

Коробенкова, Н. Я сын врага народа [о Степанове Н.А.] / Н. Коробенкова. – Текст: непосредственный // Бичурский хлебороб. – 1996. – 31 окт. (№ 74). – С. 2.

Я сын врага народа

ПЕРЕД этими людьми — Василием Николаевичем и Раисой Георгиевной Степановыми — я давно испытываю чувство вины. Лет шесть тому назад, когда в «Правде Бурятии» был опубликован мой очерк «Отцы и дети», о репрессиях в Бичурском районе, остановил меня как-то Василий Николаевич. и весело заметил: «А ведь, знаете, я тоже сын «врага народа», а Раиса Георгиевна в возрасте 14 лет вместе с матерью была выслана на спецпоселение. Может зайдете как».

Стыдно признаться: помнила об этой просьбе, собиралась зайти, да все не удавалось. И лишь недавно я успела записать их невеселые повествования. Но Василий Николаевич уже не прочтет этих строк...

...Это сейчас за выражением «враг народа» видится безвинная жертва, мученик, как из жития святых. А за словом «кулак» чаще всего встаёт неистовый труженик, хозяин, который хотел сытой и безбедной жизни для своей семьи. Но попробуй в те годы сказать: я внук раскулаченного, сын — врага!

Судьба рода Степановых и Арсентьевых — это сколок трагической судьбы российского крестьянства. Впрочем, к чему прописные истины. Конкретные судьбы куда интересней. Воспользуемся же щедрой памятью моих собеседников и пройдем вместе с ними их путями-дорогами. И будем помнить, что тогда они были очень-очень молоды.

«Наш отец, Николай Апполонович Степанов, 1879 года рождения, уроженец Заганского Станка бывшего Мухоршибирского аймака. Здесь жил и работал до тридцать третьего года. Женился на Анфии Гавриловне Ионинской из Узкого Луга. На Станке испокон веку жили наши предки, деды и прадеды, о чем напоминают и сегодня могильные плиты — все, что осталось на месте нашей малой родины.

В бытность мою подростком было здесь домов 15. Но семьи были большие. Под одной крышей уживались три и даже четыре поколения. В семье моих родителей было 13 человек. С нами жила бабушка, а нас, детей, было десять человек: 7 сыновей. 3 дочери. До 30-х годов, как и все, жили единолично.

Отец трудился с утра до ночи, и мы не бездельничали. Стали на ноги. Хлебопашествовали, сеяли пшеницу, ярицу, овес, зеленку, просо. Развели скота. Одно время у нас было семь лошадей, десять коров, до тридцати овец.

Бабушка и мать были мастерицы на все руки: выделывали овчины, шили шубы, ичиги, кожаные штаны. В таких домодельных кожаных штанах в 33-м году увезли от нас отца. Хозяйство было натуральное. Отец в город яловку увезет, продаст евреям, накупит мануфактуры на свою ребятню, далембы, ситца, а иногда и сладостей: конфет, голову сахара. Я в детстве раз с ним в Верхнеудинск ездил. Пастилы он мне купил: такие длинные, мягкие конфеты, как мармелад. Вся жизнь прошла с того времени, а отца, доброго, спокойного помню. Обличьем, люди говорят, я на него похож. Позже, когда в Шибертуе мануфактура (лавка) открылась, сюда ездили. Покупали здесь веревки, юфть (тонкая кожа), керосин. Тогда первые сапоги начали шить, а то все ичиги. Отец рассказывал: женился в чужих сапогах. В первую мировую в армии он не служил: карымов не брали. Дед мой бурят был. Интернациональных (как сейчас говорят) семей было много. Русские, буряты жили дружно. Улусы близко: Зарека, Средний улус. Сагалган, Масленку вместе справляли. Они к нам — мы к ним. В первый день праздника, бывало, запрягаем лошадь и на кошеве по ближним улусам. Их угощаем калачами, блинами, конфетами, они нас пенками с молока, арсой. Два улуса пообедем, дети и молодежь, навеселимся, а на второй день старшие гуляют.

Грянула гражданская война. Японец шел на Зардаму через Станок. Дело было зимой. Нас, детей и женщин, в сопровождении нашего отца на сани и ночью в лес, в Бобхой. Намерзлись, натерпелись страху. Спрятались в глубоком буераке. Сутки там сидели. Костер развести нельзя. Отец надел бурятскую шубу, взял на всякий случай белую тряпку и пошел разведать. Увидел: Станок наш пылает, почти все сожгли. У соседей наших, Арсентьевых, дом, вся усадьба сгорела. Наш дом уцелел, потому что братья Арсентьевы, Роман и Митрофан, разбросали заплоты и не дали загореть нашему дому. Кстати, бабушка наотрез отказалась скрываться в лесу, осталась дома. Японец гнал с собой (подневольно) крестьян мужиков из Хонхолоя, Харашибири. Оставили японцы после себя пепелище и разгром. Мародерствовали. У нас тоже увели игреневую лошадь вместе с выездной сбруей и кошевой. И вот диво: через полгода Игренька сам вернулся.

Когда японец шёл, вся надежда была на партизан. Мы их в лицо знали: Илью Михайловича Фомина, Вахрамея Тетерина и других. После боя мы, подростки, собирали пулеметные гильзы (у наших в лучшем случае трехлинеечки были), осколки, и из этих осколков — железа не было — ковал ножи дяди Прокопий Павлович.

В 30-м году Станок, Зарека и Средний улус объединились в сельхозартель имени Буркавполка. Тогда на Дивизионке был сформирован Бурятский кавалерийский полк. В честь его и названа артель. Председателем

стал Ширип Санжиев. Центр был в Зареке. Согнали скот, себе оставили по корове, все остальное на общий двор. Отец тоже вступил в колхоз и вскоре его избрали председателем, а землю обобществили, и посевная тридцатого года была уже коллективной.

В тридцать третьем году по доносу отец был арестован органами ОГПУ как «враг народа». Больше мы его не видели. Он был осужден тройкой ОГПУ и по статье 58 пункт 2 и 52 пункт 11 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы. Лишь 13 апреля 1957 года постановлением Президиума Верховного суда Бурят-Монгольской АССР дело по обвинению отца было пересмотрено и решение тройки от 21 июля 1933 года отменено. Дело прекращено за недоказанностью состава преступления. Отец реабилитирован посмертно.

Нашей матери за мужа совхоз «Бичурский» по распоряжению сверху выплатил трехмесячную зарплату. Такова цена нашего горя, многолетнего страха и унижений. Не один раз, мы, братья, пытались узнать правду об отце. Кто-то из тех, кто вернулся «оттуда», рассказывал, что он заболел брюшным тифом и умер в тюрьме в Улан-Удэ. Где он похоронен? Кого об этом спросишь? Несчастных не закапывали, выбрасывали, как собак, в какой-нибудь буерак. Так и не знаем до сих пор, где нашел свой последний приют наш безвинно погибший отец. Даже фотографии не осталось. Была одна. Фотограф к нам на Станок однажды приезжал (и киномеханик в этот день кино крутил) — вот тогда мы всей семьей — 13 человек сфотографировались. Только при обыске забрали эту единственную фотографию. После ареста отца всех нас: семерых сыновей и трех дочерей, а также мать и бабушку — лишили права голоса и вынесли решение — отправить семью на ссылку.

Перед этим, как водится, подчистую конфисковали имущество. Забрали скот, постройки, инвентарь. Все было изъято и продано колхозу Буркавполк. Наш дом и сейчас находится на полевом стане в местности Дабун. Служит людям и амбар в Шулутах и наши постройки в с. Дабатуй.

...Тогда, оставшись без мужа, мать обратилась с письмом к местным властям, чтоб ее помиловали, не высылали. Ответа не было. И вот сменяла последнюю корову на коня, старший брат Евдоким запряг лошадь, сгрузили немудрящие пожитки и тронулись через Заган. Куда выслали — не знали. Должны были сказать в ОГПУ в райцентре, в Мухоршибири. С матерью ехали шестеро младших детей. И вдруг у Старого Загана встречает нарочный из района. Разрешили вернуться домой. Отменили решение! Вернулись на Станок, где осталась одна бабушка. Только недолго радовались. В свой дом впустили временно как на квартиру. Потом выгнали из дома. Переехали в Шибертуй, где обосновался старший брат Евдоким. К нему и прислонились.

После ареста отца нас исключили из колхоза. Некому было кормить семью. Начали пухнуть с голода. Сестру Марию и брата Николая, которые работали учителями начальных классов в Новом Загане, сняли с работы. Мария вернулась домой. Вместе с матерью ходили на заработки в Алтачей: белили, мыли, делали что придется. Дадут им за работу муки 2-3 килограмма, мяса или сала кусок. Евдоким ночью с котомкой пешком до Станка. Это больше 30 километров, однако. Спасибо калининскому председателю Дымбрылу: он знал отца и не препятствовал нашим подрабатывать в его деревне. Мать к тому времени кое-какую оставшуюся от конфискации обстановку: стол, тумбочку, этажерку (все это купили когда-то у буйского столяра) — выменяла в Новосретенке на хлеб. От отца она с оказией получила одну-единственную записку: «Мать, расти детей, береги их».

Н. КОРОБЕНКОВА.
Окончание следует.